

Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования
«Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»

На правах рукописи

Мясников Станислав Александрович
**СТРАТЕГИИ ОБОСНОВАНИЯ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОГО КУРСА
РФ В ПЕРИОД С 2014 Г.**

РЕЗЮМЕ ДИССЕРТАЦИИ
на соискание ученой степени кандидата политических наук

Научный руководитель:
доктор философских наук, профессор
Малинова Ольга Юрьевна

Москва – 2021

Постановка исследовательской проблемы

Политический курс государства нуждается в обосновании с целью легитимации. Легитимация – это процесс обретения легитимности (согласия общества, веры в правильность политического курса, режима, порядка, лидера, действий, решений)¹, при этом, легитимация может осуществляться посредством разных инструментов. Обоснование политического курса является коммуникативным инструментом легитимации² и заключается в применении риторических средств, интерпретации, аргументации объекта легитимации как наиболее предпочтительного среди альтернативных³. Большая часть литературы посвящена изучению легитимности власти, режима, лидера. Однако власти стремятся легитимировать и политику, ведь легитимная политика может способствовать позитивному отношению к самой власти и политическому порядку⁴. Для легитимации политики применяются *стратегии обоснования* – набор риторических средств, способов обоснования и коммуникативных приемов⁵, используемых для достижения выбранных целей в конкретном политическом контексте. В данной работе обоснование внешнеполитического курса рассматривается как политический процесс, связанный с использованием определенных технологий коммуникации.

¹ См. Del Sordi A. The Relation between External and Internal Authoritarian Legitimation: The Religious Foreign Policy of Morocco and Kazakhstan // Taiwan Journal of Democracy. 2018. Vol. 14. № 1. P. 95-116; Haldenwang C. von. The relevance of legitimation – a new framework for analysis // Contemporary Politics. 2017. Vol. 23. № 3. P. 269-286; Gelpi C. The power of legitimacy: Assessing the role of norms in crisis bargaining. Princeton: Princeton University Press, 2010. 244 p.; Dahl R. A Preface to Democratic Theory. Chicago: University of Chicago Press, 1956. 176 p.

² См. Haldenwang C. von. The relevance of legitimation—a new framework for analysis // Contemporary Politics. – 2017. Vol. 23. № 3. P. 269-286; George A.L. Domestic constraints on regime change in US foreign policy: The need for policy legitimacy // Change in the international system / ed. K.J. Holsti. Boulder: Westview Press, 1980. P. 233-262.

³ См. Abulof U. Introduction: the politics of public justification // Contemporary Politics. 2017. Vol. 23. № 1. P. 1-18; Anderson P.A. Justifications and precedents as constraints in foreign policy decision-making // American Journal of Political Science. 1981. Vol. 25. № 4. P. 738-761.

⁴ См. Haldenwang C. von. The relevance of legitimation—a new framework for analysis // Contemporary Politics. 2017. Vol. 23. № 3. P. 269-286; George A.L. Domestic constraints on regime change in US foreign policy: The need for policy legitimacy // Change in the international system / ed. K.J. Holsti. Boulder: Westview Press, 1980; P. 233-262; Smoke R. On the importance of policy legitimacy // Political Psychology. 1994. Vol. 15. № 1. P. 97-110.

⁵ См. Cindori S. et al. The influence of the communicative strategy on the degree of protectability of texts in the Modern Political Discourse // SHS Web of Conferences. 2019. Vol. 69. P. 1-6.

Легитимация внешней политики, в отличие от легитимации внутренней политики, осуществляется, в том числе, для международной аудитории. В легитимации принимают участие многие акторы – официальные лица, журналисты, эксперты. Чаще анализируется внешнеполитический медиадискурс⁶. Однако степень плюрализма (внешнеполитического) медиадискурса зависит от политического режима и медиасистемы⁷. Поскольку в авторитарных и гибридных медиасистемах власть способна оказывать влияние на дискурс СМИ посредством использования административного ресурса, для таких случаев анализ официального дискурса приобретает принципиальную значимость.

Исследователи, изучающие легитимацию внешней политики⁸, работают на стыке исследовательских полей, анализируя проблематику *легитимации* (базового понятия политической науки); проблематику *политической риторики и коммуникации* (обоснование – коммуникативный инструмент) и *международных отношений*.

Обоснование обретает особую значимость для легитимации, когда происходят значимые сдвиги во внешнеполитическом курсе. Политические действия и решения могут не отвечать заявляемым ранее принципам, что требует особой аргументации. Хорошим кейсом для изучения является обоснование внешней политики РФ после 2014. Внешнеполитический курс России, начатый с присоединением Крыма, противоречил заявленным ранее принципам. До 2014 года российские политики говорили о стремлении к

⁶ См. Strovsky D. The Russian Media as a Promoter of Manipulative Approaches: The Case of the Syrian Civil War // The Journal of the Middle East and Africa. 2020. Vol. 11. № 1. P. 1-24; Brown J. 'Better one tiger than ten thousand rabid rats': Russian media coverage of the Syrian conflict // International Politics. 2014. Vol. 51. № 1. P. 45-66.

⁷ См. Hallin D.C. Comparing Media Systems: Three Models of Media and Politics / D.C. Hallin, P. Mancini. Cambridge, MA: Cambridge University Press, 2004. 349 p.; McCombs M. Building Consensus: The News Media's Agenda-Setting Roles Perspectives on Journalism, Power and Citizenship // Political communication. 1997. Vol. 14. № 4. P. 433-444.

⁸ См. George A.L. Domestic constraints on regime change in US foreign policy: The need for policy legitimacy // Change in the international system / ed. K.J. Holsti. Boulder: Westview Press, 1980. P. 233-262; Goddard S.E. Rhetoric, legitimation, and grand strategy // Security Studies. 2015; Vol. 24. № 1. P. 5-36; Trout B.T. Rhetoric revisited: political legitimation and the Cold War // International Studies Quarterly. 1975. Vol. 19. № 3. P. 251-284.

кооперации с Западом, привлечению инвестиций⁹, развитию торгово-экономических отношений¹⁰. С 2009¹¹ по 2012 год внешнеполитический курс был подчинен задачам «модернизации», на повестке стояла «перезагрузка» отношений с США¹². Реакцией США и ЕС на присоединение Россией Крыма в 2014-м году стали: изменение статуса России в ряде международных институтов; исключение РФ из G8; ограничение работы делегации РФ в ПАСЕ; введение ЕС и США экономических санкций против РФ. Это требовало особого подхода к обоснованию со стороны российских властей, чтобы аргументировать те действия, которые привели к подобным последствиям. Анализ К. Кристенсена показал, что российские власти после 2014 года использовали провокативную риторику, формулируя свою международную позицию¹³.

Изменения внешнеполитического курса отразились и в Концепции внешней политики РФ 2016¹⁴, отличающейся от Концепций предыдущих лет¹⁵ - ЕС больше не значится важным партнером, акцентируется ориентация на сотрудничество внутри региональных альянсов.

Можно предположить, что присоединение Крыма в 2014-м году (далее ПКР) и военная операция в Сирии, начатая в 2015-м (далее ВОРС) стали

⁹ Raquel M. The Modernisation Agenda in Russian Foreign Policy // European Politics and Society. 2014. Vol. 16. № 1. P. 126-141.

¹⁰ Концепция внешней политики РФ 2008 // Портал «Президент России». Режим доступа: <http://kremlin.ru/acts/news/785> (Дата посещения: 01.03.2019)

¹¹ Медведев Д.А. Россия, вперед! // Портал «Президент России». 2009. 10 сентября. Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/5413> (Дата посещения: 09.10.2020)

¹² См. Малинова О.Ю. Еще один 'рывок'? Образы коллективного прошлого, настоящего и будущего в современных дискуссиях о модернизации // Политическая наука - М., 2012. № 2. С. 49-72; Raquel M. The Modernisation Agenda in Russian Foreign Policy // European Politics and Society. 2014. Vol. 16. № 1. P. 126-141.

¹³ Kristensen K.S. Interpreting Russian Policy: Russian Policy in the Arctic after the Ukraine Crisis. Centre for Military Studies, 2016.

¹⁴ Концепция внешней политики РФ, 2016 // Портал «МИД РФ». Режим доступа: http://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptICkV6BZ29/content/id/2542248 (Дата посещения: 03.03.2019)

¹⁵ Концепция внешней политики РФ 2008 // Портал «Президент России». Режим доступа: <http://kremlin.ru/acts/news/785> (Дата посещения: 01.03.2019); Концепция внешней политики РФ 2013 // Портал «МИД РФ». Режим доступа: http://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptICkV6BZ29/content/id/122186 (Дата посещения: 10.03.2019)

демонстрацией позиции¹⁶, противоречащей ранее заявленным принципам, вне зависимости от того, были ли действия РФ основаны на расчетах или просчетах. Вместе с тем, ситуация, в которой оказалась Россия после присоединения Крыма также могла являться фактором, который повлиял на изменение целей России в международных отношениях. Это потребовало особого обоснования для легитимации политических действий и решений как для внутренней, так и для внешней аудитории, чтобы не потерять лицо. Чтобы понять изменились ли стратегии обоснования внешней политики после 2014 года, необходимо сравнить их со стратегиями, применяемыми ранее. Казусом для сравнения может послужить обоснование военной операции РФ против Грузии в 2008 году (далее ВОРГ).

Сравнительный анализ кейсов обоснования ПКР, ВОРС и ВОРГ, отбор которых будет обоснован ниже, призван выявить, было ли обоснование индикатором изменений внешнеполитических ориентаций России после 2014 г. Во-первых, посредством официального обоснования выражается позиция государства; во-вторых, то, каким образом акторы осуществляют обоснование может являться демонстрацией намерений, воли в принятии внешнеполитических решений.

Таким образом, анализ российского официального дискурса уместен, во-первых, поскольку в контексте гибридного политического режима важен официальный дискурс; во-вторых, его роль особенно значима в условиях изменения внешнеполитического курса. Сравнение обоснования ВОРГ, ПКР и ВОРС в официальном внешнеполитическом дискурсе позволяет, с одной стороны, выявить стратегии обоснования внешнеполитического курса; с другой, проанализировать динамику их использования в меняющемся контексте.

¹⁶ Stent A. Putin's play in Syria: how to respond to Russia's intervention // *Foreign Affairs*. 2016. Vol. 95. № 1. P. 106-114; Biersack J. The geopolitics of Russia's annexation of Crimea: narratives, identity, silences, and energy // *Eurasian geography and economics*. Kansas. Vol. 55. № 3. P. 247-269; Abdulmalik Ali M. Discourse and Manipulation in the Representation of the Russian Military Intervention in the Syrian Civil War // *International Journal of Linguistics*. 2016. Vol. 8. № 3. P. 128-140; Geiss R. Russia's annexation of Crimea: The mills of international law grind slowly but they do grind // *International Law Studies*. 2015. Vol. 91. № 1. P. 426-447; Grant T.D. Annexation of Crimea // *American Journal of International Law*. 2015. Vol. 109. № 1. P. 68-95.

Степень разработанности проблемы

Вопросы легитимации разрабатываются исследователями продолжительное время, однако универсального концептуального подхода до сих пор не существует. Основной массив литературы посвящен анализу легитимации порядка, власти; в меньшей степени политики¹⁷. Однако, в работах, изучающих легитимацию политики, подчеркивается сложность процесса, показывается, что инструменты легитимации политики имеют отличия от инструментов легитимации порядка, власти¹⁸. Инструментами легитимации (внешней) политики являются коммуникативные, риторические средства, включая обоснование¹⁹. Анализ легитимации представляется и частью изучения публичной политики²⁰. Например, П. Кёрни²¹ предложил рассматривать легитимацию как отдельную составляющую политического цикла.

Присоединение Крыма – экстраординарное событие в мировой политике. Неудивительно, что оно привлекло внимание исследователей. Объектами изучения стали причины кризиса, его итоги, но большинство работ посвящено правовым аспектам. В вопросе о правовой оценке ПКР мнения расходятся. Одни авторы (чаще российские) подчеркивают обоснованность и соответствие присоединения Крыма к РФ нормам,

¹⁷См. Del Sordi A. The Relation between External and Internal Authoritarian Legitimation: The Religious Foreign Policy of Morocco and Kazakhstan // *Taiwan Journal of Democracy*. 2018. Vol. 14. № 1. P. 95-116. George A.L. Domestic constraints on regime change in US foreign policy: The need for policy legitimacy // *Change in the international system* / ed. K.J. Holsti. Boulder: Westview Press, 1980. P. 233-262; Dukalskis A. What autocracies say (and what citizens hear): proposing four mechanisms of autocratic legitimation // *Contemporary Politics*. 2017. Vol. 23. № 3. P. 251-268; Holmes L. Legitimation and legitimacy in Russia revisited // *Russian Politics from Lenin to Putin* / ed. S. Fortescue. London: Palgrave Macmillan, 2010. P. 101-126; Lintz J. Legitimacy of democracy and the socioeconomic system / *Comparing pluralist democracies: Strains on legitimacy* / J. Lintz. – Boulder: Westview Press, 1988. 412 p.

¹⁸См. Haldenwang C. von. The relevance of legitimation—a new framework for analysis // *Contemporary Politics*. 2017. Vol. 23. № 3. P. 269-286; George A.L. Domestic constraints on regime change in US foreign policy: The need for policy legitimacy // *Change in the international system* / ed. K.J. Holsti. Boulder: Westview Press, 1980. P. 233-262; Goddard S.E. Rhetoric, legitimation, and grand strategy // *Security Studies*. 2015. Vol. 24. № 1. P. 5-36.

¹⁹См. Abulof U. Introduction: the politics of public justification // *Contemporary Politics*. 2017. Vol. 23. № 1. P. 1-18.

²⁰См. Jagers S.C. How policy legitimacy affects policy support throughout the policy cycle // *QOG Working Paper Series*. 2016. № 15. P. 2-30; Fischer F. *Handbook of Public Policy Analysis. Theory, Politics, and Methods* / F. Fischer, G.J. Miller. New York: Routledge, 2007. 668 p.; Hanberger A. Public policy and legitimacy: A historical policy analysis of the interplay of public policy and legitimacy // *Policy Sciences*. 2003. Vol. 36. № 3-4. P. 257-278.

²¹Cairney P. *The Politics of Evidence Based Policy Making* / P. Cairney. Stirling: Palgrave Macmillan, 2016. 137 p.

устанавливающим «право народов на самоопределение»²². Другие ученые говорят о нарушении Россией международного права²³. Присоединение Крыма часто сравнивается со случаем Косово. А. Бебье полагает, что население Косово подвергалось репрессиям, в отличие от ситуации в Крыму, поэтому эти случаи несопоставимы²⁴. Другого мнения О.Г. Карпович, он считает, что крымчане имели право на самоопределение, а процедура проведения референдума соответствовала международным нормам²⁵. Анализ нарративов дипломатов выявил, что они чаще использовали правовые аргументы, а Крымский кризис не был решен из-за конфликтующих нарративов разных сторон²⁶. Ряд исследований посвящен рассмотрению крымского дискурса в СМИ. Так, С. Хатчингс и Дж. Шостек, показали, что российские медиа выделяют собственную идентичность России в своем освещении крымских событий, основанную на культурно-исторической базе²⁷. Результаты анализа ПКР в литературе демонстрируют разные подходы к пониманию международного права; анализ медиадискурса выявил основные нарративы медиа, характеризующиеся как антизападная истерия российских СМИ.

Большинство работ, изучающих применение ВС РФ в Сирии, посвящено исследованию причин такого поведения РФ. Р. Данрютер анализировал «российский ответ на арабскую весну» и пришел к выводу, что Россия

²² Томсинов В.А. «Крымское право», или юридические основания для воссоединения Крыма с Россией : Право // Вестник Московского университета - М., 2014. № 5. С. 3-31; Власов А.А. Крым и политика легитимности в международных отношениях // Вестник МГИМО-Университета - М, 2018. № 1. С. 26-41.

²³ Geiss R. Russia's annexation of Crimea: The mills of international law grind slowly but they do grind // International Law Studies. 2015. Vol. 91. № 1. P. 426-447; Grant T.D. Annexation of Crimea // American Journal of International Law. 2015. Vol. 109. № 1. P. 68-95; Marxsen C. The Crimea crisis – the international law perspective // Zeitschrift für ausländisches öffentliches Recht und Völkerrecht. 2014. Vol. 74. № 2. P. 367-391; Allison R. Russian 'deniable' intervention in Ukraine: how and why Russia broke the rules // International Affairs. 2014. Vol. 90. № 6. P. 1255-1297.

²⁴ Bebie A. Crimea and the Russian-Ukrainian conflict // Romanian Journal of European Affairs. 2015. Vol. 15. № 1. P. 35-54.

²⁵ Карпович О.Г. Анализ Косовского и Крымского прецедентов в контексте реализации права народов на самоопределение // Международные отношения - М., 2015. № 4. С. 377-384.

²⁶ Faizullaev A. Narrative practice in international politics and diplomacy: the case of the Crimean crisis // Journal of the international relations and development. – 2017. – Vol. 20. – № 3. – P. 578-604.

²⁷ Hutchings S. Dominant narratives in Russian political and media discourse during the Ukraine crisis // Ukraine and Russia: people, politics, propaganda, perspectives / eds. S. McGlinchey, M. Karakoulaki, R. Oprisko. Bristol: E-International Relations, 2015. P. 183-196.

переживала политический кризис, связанный с протестами 2011 и 2012 годов, а поддержка и участие в Сирийском конфликте могли поспособствовать укреплению доверия к власти внутри России²⁸. А. Стент выявила, что Россия обеспечивала себе уверенность в том, что новым президентом Сирии не станет ставленник западных государств, как это случилось в Египте²⁹. Анализ Д. Аверре и Л. Дэвиса продемонстрировал, что Россия преследует «великодержавные» интересы, оправдывая их через либеральную концепцию «ответственность по защите». При этом, РФ поддерживает Б. Асада и требует строгой интерпретации концепции, полагая, что принцип суверенитета усиливает, а не ослабляет государство, так как обеспечен стабильностью законного правительства³⁰. Анализ медиадискурса показал, что российские медиа использовали нарративы: во-первых, о необходимости предупредить возможную интервенцию экстремистов в Россию; во-вторых, о незаконной интервенции Запада в Сирию³¹. Одной из немногих работ по изучению легитимации политики РФ для внешней аудитории является исследование А.А. Тарчоковой³². Посредством кейс-стади и элементов перцептивно-герменевтического метода была изучена легитимация ПКР и ВОРС. Исследование показало, что российские акторы применяли концепцию по защите (R2P), а действия РФ по легитимации своей политики не являются успешными за рубежом. На наш взгляд, использование методов кейс-стади и перцептивно-герменевтического подхода для анализа легитимации политики имеют некоторые ограничения. Кейс-стади как метод,

²⁸ Dannreuther R. Russia and the Arab Spring: Supporting the Counter-Revolution // *Journal of European Integration*. – 2015. – Vol. 37. – № 1. – P. 77-94.

²⁹ Stent A. Putin's play in Syria: how to respond to Russia's intervention // *Foreign Affairs*. 2016. Vol. 95. № 1. P. 106-114.

³⁰ Averde D. Russia, Humanitarian intervention and the Responsibility to Protect: the case of Syria // *International Affairs*. 2015. Vol. 91. № 4. P. 813-834.

³¹ Strovsky D. The Russian Media as a Promoter of Manipulative Approaches: The Case of the Syrian Civil War // *The Journal of the Middle East and Africa*. 2020. Vol. 11. № 1. P. 1-24; Abdulmalik Ali M. Discourse and Manipulation in the Representation of the Russian Military Intervention in the Syrian Civil War // *International Journal of Linguistics*. 2016. Vol. 8. № 3. P. 128-140.

³² Тарчокова А.А. Международная легитимизация действий во внешней политике России в контексте украинского и сирийского конфликтов: концепция «ответственность по защите»: 4, История. Регионоведение. Международные отношения // *Вестник Волгоградского государственного университета – Волгоград*. 2019. Vol. 24. № 1. С. 207-215.

в данном случае сомнителен, поскольку реакция международных акторов в отношении России не является единственным индикатором успешности или неуспешности легитимации.

Войне между Россией и Грузией в 2008 г. посвящено много исследований. Проанализировав процесс конфликта, К. Уэлт объясняет российское вмешательство в Грузию ответом на агрессию Грузии против Осетии. Учёный выявил, что виноваты обе стороны – Грузия, которая верила в то, что сможет отстоять свои интересы в Осетии и Россия, которая начала военную операцию³³. Исследование А. Коэна и Р. Гамильтона показало, что военная операция России объяснялась геополитическими целями – не дать Грузии вступить в НАТО³⁴. Анализ конфликта в исторической перспективе выявил, что применение Россией войск в Грузии установило новый «статус-кво», Россия взяла на себя прямые обязательства по обеспечению безопасности в Южной Осетии и Абхазии³⁵. Исследования медиадискурса демонстрируют, что российские медиа представляли Грузию как агрессора, при этом происходила персонификация конфликта на личности М. Саакашвили, как ответственного за происходящее³⁶. Операция России представлялась как миротворческая в ответ на агрессию Грузии³⁷. Медиа дискурс мог быть зависим от официального дискурса властей, формируя общественное мнение и положительное отношение к военной операции России в Грузии. Исследования грузино-российского конфликта выявили основные причины эскалации, определили особенности дискурса СМИ, что позволит произвести его сравнение с официальным дискурсом.

³³ Welt C. The Thawing of a Frozen Conflict: The Internal Security Dilemma and the 2004 Prelude to the Russo-Georgian War // *Europe-Asia Studies*. 2010. Vol. 62. № 1. P. 63-97.

³⁴ Cohen A. The Russian Military and the Georgia War: Lessons and Implications / A. Cohen, R.E. Hamilton. Strategic Studies Institute, US Army War College, 2011.

³⁵ Markedonov S. The South Ossetia conflict // "Frozen conflicts" in Europe / ed. A. Bebler. Verlag Barbara Budrich, 2015. P. 111-118.

³⁶ Tønnessen H. Journalistic Identities and War Reporting: Coverage of the 2008 Russian-Georgian War in the Russian Press // *Scando-Slavica*. 2012. Vol. 58. № 1. P. 101-121.

³⁷ Akhvlediani M. The fatal flaw: the media and the Russian invasion of Georgia // *Small Wars & Insurgencies*. 2009. Vol. 20. № 2. P. 363-390.

Таким образом, обзор литературы демонстрирует, что официальному легитимирующему дискурсу не уделялось должного внимания. Не производился и сравнительный анализ стратегий обоснования, что позволяет нам заполнить пробел, выявив 1. на каких принципах строилось обоснование внешнеполитических действий и решений для внутренней и внешней аудитории 2. имело ли место изменение стратегий обоснования в контексте сдвига во внешней политике РФ 3. опираясь на исследования медиадискурса, понять, как соотносились официальный дискурс и дискурс медиа.

Границы исследования

Для сравнения обоснования как технологии коммуникации в условиях до и после изменения внешнеполитического контекста было принято решение сравнить обоснование присоединения Крыма и военной операции в Сирии с обоснованием военной операции РФ в Грузии в 2008 году.

Кейсы обоснования ПКР, ВОРС и ВОРГ выбраны согласно следующих критериев: применение ВС РФ на территории другого суверенного государства; признание Россией ответственности за свои действия и осуществление официального обоснования на внутренней и внешней арене; осуществление обоснования в условиях а) до б) после изменений внешнеполитического курса РФ в 2014 году а) до б) после изменения международных условий (исключение из G8, санкции).

В случае военной операции РФ в Грузии, присоединения Крыма к РФ, военной операции РФ в Сирии Россия применяла ВС РФ на территории другого суверенного государства без согласия СБ ООН и признавала себя ответственной за свои действия, осуществляя обоснование. Однако, в 2008 году (ВОРГ) Россия находилась в других (в отличие от 2014 года) внешнеполитических условиях – была членом G8, против РФ не вводились санкции. Отличался и дискурс – власти активно заявляли о «перезагрузке» отношений с США и «модернизации».

Внешняя политика РФ осуществляется рядом акторов, чьи роли закреплены Конституцией и законами. Наиболее важными акторами являются президент, министерство иностранных дел РФ, министерство обороны, международные комитеты федерального собрания. Также внешнеполитическими акторами являются службы безопасности государства и разведывательные службы. Обоснование осуществляется президентом РФ и представителями МИД России, лидерами мнений, СМИ. Возможности сравнительного анализа ограничивает недостаточное количество выступлений представителей силовых и разведывательных ведомств, это также затрудняет сравнение выступлений акторов на внешней арене. Данное исследование ограничено анализом дискурса президента (согласно статье 80.3 Конституции РФ определяет направления внешней политики государства и является верховным главнокомандующим согласно статье 87.1 Конституции РФ); представителей МИД РФ (ведомство непосредственно осуществляет внешнеполитическую деятельность, осуществляет её координацию на основании Указа Президента от 8 ноября 2011³⁸). В обосновании действий России в Сирии заметную роль играло Министерство обороны. Однако в случаях обоснования ПКР и ВОРГ его роль была скромнее, что ограничивает возможности сравнительного анализа.

В каждом из выбранных для анализа случаев обоснование политики представляло собой динамический процесс. Хронологические рамки анализа определяются этим обстоятельством: для обоснования ВОРГ это 2008-2009 гг.; для обоснования ПКР это 2014-2019 гг.; для обоснования ВОРС это 2015-2019 гг.

Исследовательский вопрос

Как изменились стратегии обоснования российской внешней политики в дискурсе президента и представителей МИД России в контексте нового курса, начатого с присоединением Крыма к России в 2014 г.?

³⁸ Указ президента РФ от 8 ноября 2011 г. №1478 «О координирующей роли Министерства иностранных дел Российской Федерации в проведении единой внешнеполитической линии Российской Федерации // Портал «Гарант». 2011. 8 ноября. Режим доступа: <http://base.garant.ru/12191547/> (Дата посещения: 22.10.2020)

Цель

Сравнить основные стратегии обоснования, используемые президентом и представителями МИД РФ для обоснования присоединения Крыма к РФ, военной операции РФ в Сирии, военной операции РФ в Грузии.

Задачи

1. Уточнить теоретическое понимание концептов «обоснование политики/policy justification» и «легитимация политики/policy legitimation»
2. Разработать методику анализа стратегий обоснования
3. Выявить и сравнить стратегии обоснования, используемые президентом и представителями МИД РФ в обосновании присоединения Крыма, военной операции РФ в Сирии, военной операции РФ против Грузии
4. Определить, почему обоснование внешнеполитического курса РФ после 2014 г. могло способствовать внутренней легитимации, каким оно было для внешней аудитории
5. Определить взаимосвязь между официальным и медиа дискурсами касательно внешнеполитического курса

Теоретическая рамка

Теоретическая рамка исследования определяется необходимостью изучения стратегий обоснования как сложного коммуникативного инструмента легитимации политики. Напомним, что под *стратегией обоснования* мы понимаем набор риторических средств и способов обоснования, используемых для достижения целей в определенном политическом контексте. В обосновании политики могут применяться разные

инструменты, например, топосы³⁹ представленные или не представленные в виде фрейма; речевые акты, например, перформативы⁴⁰. Фокус на каждом из них требует особой методологии. Данное исследование сфокусировано на изучении обоснования политики, которое подразумевает применение структурированного повествования в целях убеждения аудитории в правильности такой политики. В этой связи, важную роль в дискурсе политиков играют нарративы⁴¹, которые являются более комплексным риторическим инструментом – повествованием, историей, придающей значение прошлому, настоящему и будущему. Посредством нарратива объединяют события неслучайным образом, придавая значение политическому миру, замалчивая об одном, придавая большее значение другому. Тем самым, нарративы конструируют политическую точку зрения, то есть нарративы используются политиками для достижения целей посредством формирования определенного отношения общества к себе, своей политике, действиям, решениям. Нарративы могут применяться для достижения разных целей: установления повестки, легитимации, отвлечения внимания, обеспечения согласия, повышения популярности, мобилизации⁴². Посредством выявления и анализа нарративов можно определить, как изменялись и трансформировались нарративы политиков, что позволит понять, как изменялись стратегии обоснования, применяемые в целях легитимации внешнеполитического курса.

³⁹ См. Zagar I.Z. Topoi in critical discourse analysis // *Lodz papers in pragmatics*. Lodz, 2010. N 6.1. P. 3-72; Захарова О.В. Идентификация и анализ топосов (аргументационных схем) в политическом дискурсе // *Политическая наука*. 2016. №3. С. 217-235

⁴⁰ Остин Дж.Л. Слово как действие // *Новое в зарубежной лингвистике*. Vol. 17. М., 1986. С. 22–130; Ильин Ильин М.В. Идеи и практика: мультимодальный анализ политических перформативов // *Политическая наука* - М., 2016. №4. С. 261 – 270

⁴¹ De Fina A. Narrative Analysis // *The Routledge Handbook of Language and Politics* / eds. R. Wodak, B. Forchtner. London: Routledge. P. 233-246; Miskimmon A. Strategic narratives: Communication power and the new world order / A. Miskimmon, B. O'Loughlin, L. Roselle. London: Routledge, 2013. 240 p.; Bottici C. Narrative // *Encyclopedia of Political Theory* / ed. M. Bevir. Thousand Oaks, CA: Sage, 2010.

⁴² Miskimmon A. Strategic narratives: Communication power and the new world order / A. Miskimmon, B. O'Loughlin, L. Roselle. London: Routledge, 2013. 240 p.

На эти свойства нарративов обратили внимание авторы теории стратегических нарративов⁴³, которая исходит из предпосылки о важности политического дискурса (соотносясь с концепцией soft power⁴⁴), способного повлиять на принятие решений в международных отношениях и помогает выявить, каким образом акторы добиваются поставленной коммуникативной цели, основываясь на чем они формируют свою позицию в международных отношениях. По мнению А. Мискиммона, Б. О'Локлина и Л. Розелль, нарративы представляются изложением событий, которые сформулированы акторами в определенном дискурсивном контексте для того, чтобы повлиять на общественное мнение в свою пользу. Используя инструментарий теории стратегических нарративов мы можем операционализировать уровни стратегических нарративов и создать комплексную модель для анализа обоснования политики государственными акторами, провести сравнительный анализ применения моделей использования нарративов, выявить коммуникативные стратегии.

Теория стратегических нарративов имеет ряд ограничений. Стратегические нарративы, по сути, являются макронарративами по классификации Ж.Ф. Лиотара⁴⁵, которые, по его мнению, после таких событий, как Холокост, утратили свою легитимирующую силу. Однако Л. Розелль, Б. О'Локлин, А. Мискиммон обосновывают силу стратегических нарративов тем, что они используются для достижения стратегических коммуникативных целей. То есть нарратив является стратегическим, когда его используют для достижения целей стратегии. Такими целями могут быть: мобилизация, легитимация, отвлечение внимания, повышение популярности⁴⁶. Вместе с тем, стратегические нарративы используются во взаимопроникаемой коммуникативной среде, что позволяет использовать их

⁴³ Roselle L. Strategic narrative: A new means to understand soft power // Media, War & Conflict. Cali. 2014. Vol. 7. № 1. P. 70-84.

⁴⁴ См. Nye J.S. Soft power: the means to success the worlds politics. New York: Public Affairs, 2009. 208 p.

⁴⁵ Lyotard J-F. The postmodern condition: a report on knowledge. Minnesota: University of Minnesota Press, 1984. 144 p.

⁴⁶ Roselle L. Strategic narrative: A new means to understand soft power // Media, War & Conflict. Cali. 2014. Vol. 7. № 1. P. 70-84.

в 21 веке для более широкой аудитории. Также, нарративы используются стратегически, когда, рассказывая о разных событиях, воспроизводится, по сути, один нарратив. Включается технология манипуляции, так как люди лучше воспринимают нарратив, с которым уже знакомы. По сути, новая ситуация вкладывается в одну и ту же рамку нарратива.

Другим ограничением теории является то, что она не учитывает коммуникативную диспозицию, особенности речевых актов и перформативов. Однако авторы теории стратегических нарративов ушли от прагматики и речевых актов, сократив анализ до стратегических нарративов. Это позволило им необязательно применять дискурс анализ, не анализировать речевые акты, перформативы. Такой подход позволяет сократить чрезмерное количество аналитических единиц и решить задачи исследования, фокусируясь на анализе нарративов. Напротив, перегруженность операционного аппарата затруднила бы анализ и достижение цели исследования. Обоснование политики – коммуникативный инструмент и подразумевает использование нарративов в качестве средства достижения коммуникативной цели. В этой связи, упомянутый методологический подход позволяет применять релевантные для нашего исследования аналитические единицы и сформировать теоретическую рамку исследования. Для данного конкретного исследования анализ стратегических нарративов является исчерпывающим для ответа на поставленный исследовательский вопрос и решения задач работы, поскольку позволяет проводить сравнение риторики государственных акторов без анализа перформативов и речевых актов.

Стратегические нарративы представляют собой «репрезентацию последовательности событий и идентичностей, коммуникативный инструмент, посредством которого политические акторы пытаются придать определенное значение прошлому, настоящему и будущему с целью

достижения политических целей»⁴⁷. Согласно теории стратегических нарративов, чтобы осуществлять успешную стратегию, акторам необходимо принимать во внимание чужие нарративы, тем самым собственный нарратив становится более конкурентным. При этом, может происходить формулирование нарративов для внутренней аудитории и внешней аудитории⁴⁸. Конкурирующими нарративами являются смысловые схемы, формируемые государственными акторами и медиа других стран. Развитие новых медиа, привело к тому, что публика обладает доступом к широкому кругу источников информации, которые предлагает «новая коммуникативная среда»⁴⁹, в этой связи и внутри государства люди становятся более критичными в отношении нарративов, что порождает их соперничество (contestation). Чтобы собственный нарратив мог стать привлекательнее, чем нарратив оппонента, акторы должны учитывать не только культурные особенности публики, но и уже существующие дискурсы, которые люди склонны воспринимать положительно или отрицательно. Опираясь на теорию стратегических нарративов, можно сравнить стратегии обоснования до и после изменений внешней политики РФ, понять, каким было обоснование после 2014 года.

Эмпирическая база

Эмпирическую базу составляют стенограммы выступлений президента, министра иностранных дел и представителей МИД РФ с 2008 по 2009 (для обоснования операции РФ против Грузии в 2008 г.); с 2014 по 2019 (для обоснования присоединения Крыма в 2014 г., военной операции РФ в Сирии с 2015 г.). Пул стенограмм составлен из всех доступных (по темам) стенограмм на официальных порталах. Среди них 56 стенограмм выступлений президента РФ; 59 стенограмм выступлений министра

⁴⁷ Miskimmon A. Strategic narratives: Communication power and the new world order. London: Routledge, 2013. P.3.

⁴⁸ Ibid

⁴⁹ Roselle L. Strategic narrative: A new means to understand soft power // Media, War & Conflict. Cali. 2014. Vol. 7, N.1. P. 77.

иностранных дел; 48 стенограмм выступлений представителей МИД России; а также, 33 отчета заседаний Совета Безопасности ООН, содержащие стенограммы выступлений оппонентов. Тексты публичных выступлений политических акторов отбирались через тематический поиск по заданной хронологии на порталах «Президент России», «МИД РФ», «Постпредство РФ при ООН», «ООН».

Методы исследования

Методом исследования является качественный контент анализ⁵⁰ выступлений, речей президента и представителей МИД России, осуществляемый на базе компьютерной программы QDA Miner. Следуя логике Ф. Мейринга⁵¹ контент анализ применен как mixed – method (смешанный метод), который сочетает качественный анализ текста с последующим количественным анализом. Для анализа текста в нашем исследовании задано 6 дедуктивно выделенных категорий кодов (стратегический системный нарратив, стратегический национальный нарратив, стратегический нарратив о проблеме, способ обоснования, выступление президента для разных аудиторий, выступление представителей МИД для разных аудиторий), в рамках каждого из которых в ходе анализа индуктивно выделялись субкоды.

Проводилось 3 этапа кодирования. На первом этапе были выявлены основные стратегические нарративы по типам – системный, национальный, о проблеме. На втором этапе, в отношении выявленных нарративов применялось тематическое кодирование. Индуктивно были выделены основные темы нарративов, повторяющихся в разных речах президента и

⁵⁰ См. Mayring P. Qualitative content analysis. Theoretical foundation, basic procedures and software solution. Klagenfurt: Beltz. 2014. 143 p.; Mayring P. Qualitative Inhaltsanalyse. Grundlagen und Techniken. Weinheim: Beltz. 2008. 152 p.; Berg, B.L. Qualitative research methods for the social sciences. Boston: Pearson. 2011. 448 p.; Mayring P. Qualitative content analysis – research instrument or mode of interpretation // The role of the researcher in qualitative psychology / ed. M. Riegelmann. Tübingen: Verlag Ingeborg Huber, P. 139 – 148.; George A.L. Quantitative and qualitative approaches to content analysis // Trends in content analysis / ed. De Sola Pool I. Urbana: University of Illinois Press. 1959. 7 – 32 pp.

⁵¹ Ibid

представителей МИД России. Темы системных нарративов: о связи холодной войны и современной ситуации, об однополярном мире, о нарушении международного права Западом, о дестабилизирующих действиях Запада, об использовании двойных стандартов со стороны Запада, о соответствии действий России международному праву, об обеспечении Россией прав человека, о партнерах России в международных отношениях. Темы национальных нарративов: Мы и Другие, о религиозном / сакральном значении обсуждаемых территорий, о Нашей толерантности к другим религиям и народам, о Нашем прошлом, о наших ценностях, о героях, о наших национальных качествах, о Нашей самодостаточности. Темы нарративов о проблеме: о необходимости обеспечения безопасности, об угрозе «русскому миру», об угрозе ограничения доступа к Черному морю, о гуманитарной роли России в Сирии, об использовании права вето Россией в СБ ООН, о демонстрации оружия и воли российской армии, о решающем вкладе России в разгром терроризма, о возвращении части военного контингента в Россию, о повторяющихся провокациях Грузии, о нарушении обязательств Грузией, об обеспечении стабильности кавказского региона. На третьем этапе нарративы кодировались по типу способа обоснования и выступления президента, представителей МИД для внутренней или внешней аудитории. На финальном этапе была выявлена частота использования нарративов по годам, что позволило продемонстрировать, когда появлялись новые стратегические нарративы, какие из них использовались чаще остальных в заданном временном промежутке.

*Определение научного вклада исследования в развитие предметного
поля*

Данное исследование предлагает анализ коммуникативного процесса обоснования внешней политики, осуществляемого для легитимации внешнеполитического курса в контексте его изменений и в условиях гибридного политического режима. В работе предлагается обзор широкого

поля литературы, посвященной а) легитимации (базовому понятию политической науки) – проводится разграничение понятий «легитимация» и «обоснование» политики; б) типологизации медиасистем – определяется тип российской медиасистемы с) установлению повестки дня – рассмотрены особенности внешнеполитической повестки дня d) внешней политике РФ (в части касающейся военной операции РФ в Грузии, присоединения Крыма к РФ, военной операции РФ в Сирии). Работа предлагает понимание того, как изменился процесс обоснования внешней политики РФ после 2014 года. Разработана методика анализа, основанная на использовании аналитических единиц теории стратегических нарративов и дополнительно разработанных единиц анализа. Данная методика может использоваться в других исследованиях, задачей которых является проведение анализа официального обоснования политики как коммуникативного процесса.

Положения выносимые на защиту

1. Прделана концептуализация понятий «обоснование политики» и «легитимации политики». Легитимация является процессом обретения веры в правильность политического курса, политики, режима, власти, лидера. При этом, легитимация может осуществляться в отношении разных объектов (режима, лидера, власти, действий, решений, политики), для легитимации разных объектов могут применяться особые инструменты легитимации. Применительно к легитимации политики основным инструментом служит обоснование как коммуникативный инструмент. Предложено понимание «обоснования политики» как одного из коммуникативных инструментов, который используется акторами в целях «легитимации политики».
2. Анализ стратегий обоснования на примере обоснования присоединения Крыма и военной операции в Сирии показал, что внешнеполитический курс РФ после 2014 года обосновывался похожим образом: в обоих случаях обоснования следовало общей логике, использовались

одинаковые нарративные рамки, дополняемые, при этом, фактами, в зависимости от кейса и коммуникативной ситуации.

3. В дискурсе президента и представителей МИД обоснование внешней политики строилось на объяснении необходимости обеспечения безопасности, описании исторической памяти, описании общих ценностей, описании конфронтации с Западом, формировании отрицательного образа Запада (во главе с США). Президент, в отличие от представителей МИД, стремился выступить в качестве «стратега» и «триумфатора». Через обращение к вопросам обеспечения безопасности формировался образ «глобального защитника», что могло положительно повлиять на рейтинг президента внутри страны и поддержать его имидж сильного политика на международной арене.
4. В обосновании военной операции РФ в Сирии президентом и представителями МИДа России приводились доводы о нелегитимных действиях западных стран, что позволило усилить аргументы о дестабилизирующей роли Запада в международных отношениях, используемые в обосновании присоединения Крыма к России.
5. Российские акторы использовали критичные в отношении западных стран стратегии обоснования, что свидетельствует о решительности в проведении собственной политической воли в условиях сложной коммуникативной среды. Данный факт свидетельствует в пользу нового международного позиционирования РФ, подкреплённого силой и волей.
6. Обоснование присоединения Крыма в 2014 и военной операции в Сирии в 2015 г. отличалось от обоснования военной операции против Грузии 2008 г., что свидетельствует об изменении стратегий обоснования после 2014 года. В случае ВОРГ президент и представители МИД возлагали ответственность за конфликт на президента Грузии. Российские акторы использовали дискурс о кооперации с западными государствами и выдвигали обвинения

западным государствам (преимущественно НАТО) в меньшей степени, чем после 2014 года. В отличие от обоснования ВОРГ в случае ПКР и ВОРС были использованы национальные нарративы о близости российских и мусульманских ценностей, что может служить индикатором внешнеполитических ориентаций России на Восток.

7. Сравнение результатов настоящего исследования с работами, посвященными обоснованию ПКР, ВОРС и ВОРГ в дискурсе медиа, позволяет сделать вывод о том, что в дискурсе СМИ, контролируемых государством, часто использовались те же нарративы, что и в официальном дискурсе. По сути, такие СМИ являлись пропагандистским инструментом власти. Нарративы официального дискурса коммуницировались в контексте дипломатического протокола, что определяло рамки подачи.

Апробация исследования

Результаты исследования легли в основу ряда публикаций:

1. Мясников С.А. Легитимация и обоснование политики: анализ концептуальных разграничений // Политическая наука. 2019. № 3. С. 222-235.
2. Мясников С.А. Почему «Крым – наш»: анализ обоснования присоединения Крыма в выступлениях В.В. Путина и представителей МИД РФ с 2014 по 2018 г. // Политическая наука. 2020. № 2. С. 234-255.
3. Мясников С.А. Стратегии обоснования внешней политики РФ после 2014 года: анализ на примерах присоединения Крыма и военной операции РФ в Сирии // Вестник Пермского университета. 2020. № 4. С. 14-26.

Результаты исследования были представлены на следующих научных конференциях:

1. XII Конвент РАМИ, г. Москва, МГИМО, 21-22 октября 2019. Доклад «Обоснование присоединения Крыма: стратегические нарративы В. В. Путина и представителей МИД РФ с 2014 по 2018 г.».
2. Ежегодная конференция РАПН «Траектории политического развития России», г. Москва, МГПУ, 6-7 декабря 2019. Доклад «Стратегические нарративы В.В. Путина в обосновании «Крымской весны».
3. Ежегодная конференция РАПН «Политическое представительство и публичная власть: трансформационные вызовы и перспективы», г. Москва, МПГУ, 27-28 ноября 2020. Доклад «Коммуникативные стратегии обоснования присоединения Крыма и российской военной операции в Сирии с 2014 по 2019 гг.».

Основное содержание работы

Данное исследование сфокусировано на анализе официального обоснования внешней политики РФ после 2014 года, то есть после изменения внешнеполитического курса и изменения внешних условий (исключение из G8, санкции), в которых оказалась Россия. Поскольку российский политический режим можно отнести к гибриднему, работа предлагает понимание того, как осуществляется легитимация внешней политики через обоснование на примере гибридного политического режима. Предложенная методика анализа, основанная на теории стратегических нарративов, а также разработанных нами дополнительных единиц анализа, может служить примером для других работ, посвященных анализу обоснования политики как коммуникативного инструмента легитимации политики.

Первая глава посвящена анализу понятий легитимация политики и обоснование политики. Выявлено, что обоснование политики является одним из коммуникативных инструментов легитимации политики (более широкого понятия). Также проанализированы подходы к определению российской

медиа системы, показано, что повестка в ней формируется как «сверху-вниз», так и на основе рыночных требований, что позволяет отнести её к гибриднему типу. Описана теоретическая рамка исследования и выбран методологический подход, основанный на анализе составляющих стратегии обоснования. Для того чтобы дать характеристику коммуникативному поведению президента и представителей МИД РФ, кроме выявления стратегических нарративов трех уровней (на базе теории стратегических нарративов⁵²), было предложено определять коммуникативные позиции и способы обоснования.

Во второй главе проанализированы стратегические нарративы, коммуникативные позиции и способы обоснования, используемые президентом и представителями МИД России в обосновании военной операции РФ в Грузии, присоединения Крыма к РФ, военной операции РФ в Сирии.

Во-первых, показано, что коммуникативные позиции не определяли способы обоснования, но влияли на выбор стратегических нарративов, более агрессивных в отношении оппонентов, в случае коммуникативной позиции «истец». Так, изменения коммуникативной позиции России с «ответчика» (ПКР) на «истца» (ВОРС) позволило применять более агрессивные коммуникативные стратегии. В 2015 году коммуникативная стратегия перешла из фазы защиты в фазу атаки. Представители МИД стали использовать сжатые нарративы, заявляя о нежелании дискутировать на тему Крыма, который де-факто стал частью РФ. Действия западных стран в Сирии послужили поводом для предъявления им обвинений, тем самым усилив антизападный дискурс, используемый российскими властями и в случае обоснования ПКР. Вероятно, что такой дискурс положительно сработал на

⁵² Miskimmon A. Strategic narratives: Communication power and the new world order. London: Routledge, 2013. 240 p.

внутренней арене, стимулируя обретение внутренней легитимности внешней политики России.

Во-вторых, выявлено, что в обосновании ВОРГ Россия избегала острой коммуникативной конфронтации с Западом и не предъявляла ему прямых обвинений, что может быть объяснено политической ориентацией на сотрудничество с Западом и США, обвинения были в большей степени адресованы НАТО, а не конкретным западным странам. Напротив, обоснование ПКР и ВОРС формировало негативный образ западных стран во главе с США. Это может свидетельствовать в пользу изменения подхода к обоснованию Российской внешней политики после 2014 г.

В-третьих, в случае обоснования ВОРС президент и представители МИД РФ применяли нарративы таким же образом, как и в случае обоснования ПКР. Данный факт позволяет говорить о том, что обоснование внешней политики после 2014 года осуществлялось стратегически.

В-четвертых, сравнение официального дискурса с дискурсом подконтрольных государству СМИ на основе имеющихся исследований показало, что в условиях гибридного политического режима и гибридной медиа системы в России антизападный дискурс стал частью большой информационной кампании властей с задействованием подконтрольных государству СМИ. Такая кампания была основана на противопоставлении негативного образа Запада с «правильным» образом России, её национальных ценностей, истории. Вероятно, это должно было послужить консолидации нации и внутренней легитимации внешнеполитических действий и решений российских властей.

В-пятых, международная коммуникация касательно ПКР и ВОРС представляла две противоположные позиции. С первой позиции, Россия несла ответственность за нелегитимно отобранный у Украины Крым и эскалацию сирийского конфликта (западный дискурс). Со второй позиции, страны Запада поддержали переворот на Украине и противодействуют легитимной армии Асада в Сирии с целью его свержения (русский

дискурс). И у первого, и у второго дискурса находились свои сторонники. По сути, коммуникативное поведение России после 2014 г. должно было продемонстрировать независимость РФ на международной арене. В какой-то степени, данная стратегия сработала, поскольку, как мы и сказали выше, существовало два противоположных дискурса, основным коммуникатором первого являлись США, второго – Российская Федерация.

В-шестых, особое значение в обосновании президента РФ отводилось военным победам, где В.В. Путин выступал в качестве «триумфатора», который заявлял о том, что РФ обеспечила безопасность своих граждан; либо «глобального триумфатора», который заявлял, что Россия победила террористов в Сирии, чем обеспечила безопасность для мира. Вероятно, подобное коммуникативное поведение преследовало цель ассоциировать военные победы РФ с личностью президента, что должно было позитивно сказаться как на его личной легитимности, так и на легитимности принимаемых им решений, и, в конечном итоге, на легитимности порядка.

В-седьмых, стратегии обоснования российских акторов строились в основном на секьюритизации; описании исторической памяти; интерпретации фактов и международного права с позиции правоты России. Такие стратегии обоснования, вероятно, позволили переводить «проблему» на уровень личной повестки граждан, вызывая одобрение и согласие с действиями властей на внутренней арене. Вместе с тем, подобные стратегии обоснования схожи со стратегиями обоснования войны в Ираке, которые использовали власти США – обеспечение безопасности, гуманитарная акция, обеспечение правопорядка⁵³. Тем самым, применялся схожая с американской модель обоснования для похожего случая – использования ВС на территории другого государства.

⁵³ Miller R.B. Justifications of the Iraq war examined // *Ethnic & international relations*. 2008. Vol. 22. N.1. 43 – 67 p.

Можно сказать, что демонстрация военной силы и особое обоснование являются звеньями одной цепи и осуществляются стратегически. Вероятно, агрессивная коммуникативная среда и возможные последствия не стали поводом для избрания иных, более мягких коммуникативных стратегий, что также косвенно может свидетельствовать об изменении в подходах к позиционированию РФ на международной арене. Исходя из предполагаемых целей избранных стратегий обоснования на международной арене, можно предположить, что они также оказались достаточно эффективными.

Таким образом, исследование показало, что официальное обоснование использовалось акторами стратегически и в обосновании ПКР, и в обосновании ВОРС; при этом, обоснование ПКР и ВОРС отличалось от обоснования ВОРГ. Обоснование фактически отражало изменения, которые произошли в позиционировании России на международной арене.